

Свириденко И.А.
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ САМОПОЗНАНИЕ М. М. ЗОЩЕНКО
(деньги как “больной предмет” писателя)

Для специалистов-литературоведов не является неожиданной информация о том, что за расхожим образом туповато-грубого, животно-телесного, эгоцентрично-злобного зощенковского героя стоит рефлексивный, образованнейший, интеллигентный автор. И за героем-здоровяком, как Ванька-встанька, высказывающим из жизненных невзгод, таится болезненный, мучающийся телесно-духовными противоречиями писатель-психолог - «раненый целитель» (Р. Мэй).

Вместе с тем настало время по-новому осмыслить, казалось бы, уже достаточно изученные аспекты зощенковского творчества. Сегодня говорят о «экзистенциальной проблематике» творчества Зощенко 20^х годов (Г. Белая), «о эпических интонациях», звучащих в его рассказах (И. Шайтанов), углубляется понимание « взаимоотношений, складывающихся в процессе повествования между героем- рассказчиком и подлинным автором новелл» (Н. Попова). Пристальный интерес, главным образом у зарубежных литературоведов (А. Жолковский, Л.Х. Скэттон, Ю.Щеглов, Т. Ходж), вызывают «психологические» произведения Зощенко - «Возвращённая молодость» и особенно « Перед восходом солнца». Большинство новейших работ о Зощенко так или иначе связаны с этим последним крупным произведением писателя. В значительной мере это определено усилением интереса к незаурядной личности автора, его внутреннему миру, проникновению в который помогает постичь специфику психологизма его произведений. Именно по такому пути следуем и мы в своей работе.

Как известно, в начале 30-х годов Зощенко изменил «курс своего литературного корабля». Пытаясь понемногу освобождаться от «маски», в которой было всё труднее и труднее «дышать», он становился откровеннее. Писатель взялся за темы, о которых уже не мог молчать, т.к. в них находили отражение его внутренние переживания, желание отразить происходящее в душе, разобраться в себе, ответить на мучающий вопрос смысла жизни. Это темы телесного и духовного здоровья («Возвращённая молодость»), жизненных ценностей («Голубая книга»), проблема психологии самопознания («Перед восходом солнца»).

Все три научно-художественные повести создавались почти одновременно, последняя из них имела рабочее название «Ключи счастья». Главной сознательной целью писателя в этой большой работе, очевидно, было стремление помочь не только себе в обретении душевного равновесия и телесного благополучия, но и людям вообще, в связи с чем мы можем говорить о Зощенко как о моралисте и дидакте, писателе «большой темы», «выполняющем серьёзную проповедническую миссию». ¹ (Именно в этом Зощенко видел своё писательское предназначение).

Но не менее очевиден и тот факт, что в «освоении» данных тем писатель был движим и подсознательными мотивами. Они явно просматриваются в текстах научно-художественной трилогии. В заключительной повести трилогии «Перед восходом солнца» Зощенко путём фрейдовского психоанализа, а главное, обращения к теории условных рефлексов И. Павлова, определил так называемые «больные предметы», по его мнению, являющиеся источником неверно сформированных условных нервных связей, причиной его психоневроза. Это «удар», «грудь», «рука» и «вода». А в предыдущей повести – срединной в трилогии («Голубая книга») -, определяя её структуру и идею, выделил такие значимые тематические блоки: «Деньги», «Любовь», «Коварство»². «Мы подметили неожиданно для себя (здесь и далее подчеркнуто мной. - И.С.), - признаётся автор в предисловии, - что большинство самых невероятных событий случилось по весьма немногочисленным причинам. Мы подметили, что особую роль в истории играли деньги, любовь, коварство, неудачи и кое-какие удивительные события». Создав соответствующие «отделы», автор «буквально, как мячи в сетку, распихал «исторические новеллы» и «рассказы из наших дней» «по своим надлежащим местам». «И тогда получилась удивительно стройная система, книга заиграла всеми огнями радуги. И осветила всё, что ей надо было осветить» [1, Т.3, с.163, 164].

Почему автор называет свою систему удивительно стройной? И почему, по его мнению, она должна «ужасно рассердить ученых мужей», которые сочтут такое деление «произвольным, крайне условным и легкомысленным»? Очевидно, что ответ на оба вопроса определяется авторской субъективностью в выборе и подаче этих тем.

Изучив психобиографию писателя, смеем предположить, что Зощенко неспроста обращается к «освещению» настоящих тем. Может быть, так точно (и в этой последовательности: деньги – любовь – коварство) указывает их потому, что именно они его «больные предметы» – источники тревог, страхов и психологической нестабильности.

Предпримем попытку исследования роли этих тем (в данной статье темы «денег») в жизни и творче-

¹ О подобном гоголевскому осознании своей высокой писательской миссии, отличающим Зощенко, см. в ст. Т. Кадаш «Зощенко в творческой рефлексии Гоголя» в книге «Лицо и маска М. Зощенко». М., 1994.

² В книге имеются ещё две главы «Неудачи» и «Удивительные события». «Неудачи» идейно перекликаются с первыми тремя разделами, продолжая темы неудач в любви, деньгах и коварстве. А «Удивительные события», на наш взгляд, искусственно примыкают к остальным темам, являясь неким «политическим ходом» писателя.

стве писателя. Попробуем определить особенности его авторской, индивидуально-личностной рефлексии, отражающей взгляды писателя на себя, литературу, своё место в ней, осознание своего писательского и человеческого предназначения. Материалом исследования являются письма М. Зощенко, рабочие записи, критические статьи, литературные произведения, а также жинеоопределяющие поступки Зощенко, зафиксированные в мемуарной и автобиографической литературе.

Обращаясь к малоизученной теме «денег», мы ставим перед собой следующие **задачи**:

- определить значение темы «денег, нищеты, богатства – материальной зависимости» в жизни и творчестве писателя М. Зощенко;
- обосновать, что деньги - «больной предмет» писателя;
- показать меняющуюся относительно данной темы позицию писателя, обусловленную авторской рефлексией, стремлением к самопознанию.

Аналогичные задачи решались при обращении к темам «любви» и «коварства»³.

Трилогия научно-художественных повестей имеет общий тематический план. Акцентировано выделяется научный компонент, ярко выражены медицинские и психологические мотивы.

Интерес к данным темам сам писатель и литературные критики зачастую объясняли стремлением разобраться «в непростых взаимоотношениях человека с собой и окружающим миром», призвав в помощь науку, «определить собственную философию человеческой жизни и смерти» (Ю. Томашевский).

Однако где искать причину этого стремления, чем обусловлен такой интерес к медицине и психологии? На подобный вопрос, заданный литератором Григорием Гором, Зощенко ответил исчерпывающе откровенно, обнажая один из глубинных мотивов этого интереса: «<...> хотел излечиться от одной редкой, малоизученной болезни, которой я заболел еще когда был гимназистом. Причиной её была психологическая травма, сильное нервное переживание. Умер отец. И мы с матерью, оставшись без средств, пошли к одному важному лицу, от которого зависела наша участь. И это важное лицо бессердечно приняло нас. Я по молодости ещё ни разу не встречался с такой черствостью и бездушием. Очень нервничал и последствия дорого мне обошлись»[2, с.205]. Таким образом, раняя психотравма Зощенко связана с унижительным положением «просящего» и «отвергнутого». «Мне показалось, - признается Зощенко в автобиографической повести «Перед восходом солнца», - что эта сцена в передней имела значение в моей жизни. Мне показалось, что эта сцена утратила меня. В самом деле. Снова передо мной был образ нищего. Однако на этот раз нищий был я сам. Я стоял в передней с протянутой рукой. Я просил. И мне подавали. Быть может, я боялся стать нищим? Боялся очутиться в качестве жалкого просителя?» [1, Т.3, с. 591]. Ужас возможности повторения пережитого в «передней важного лица» чёрной тенью преследовал воображение писателя. Нищенство и сопряженное с ним унижение составили основу одного из психоконструктов Зощенко.

Может быть, именно поэтому такое страшное впечатление произвел на Зощенко обнищавший писатель Тиняков, имевший «несчастье прожить больше, чем ему надлежало». (Характерно, что именно так Зощенко впоследствии скажет о себе писателю И. Меттеру: «Умирать надо вовремя. Я опоздал»). История деградации этого человека прошла буквально на глазах у Зощенко. Писатель наблюдал этапы падения «собрата по перу», просящего милостыню на улицах Ленинграда. «Я увидел его однажды на углу Литейного. – Вспоминает Зощенко в автобиографической повести. – Он стоял с непокрытой головой, низко кланялся всем, кто проходил мимо. Он был красив. Его сидящая голова была почти великолепна <...> и только внимательный глаз мог увидеть в его облике, в его лице нечто ужасное, отвратительное – харю с застывшей улыбкой человека, которому больше нечего терять. <...> Я встретил Т. год спустя. Он уже потерял человеческий облик. Он был грязен, пьян, оборван. Космы седых волос торчали из-под шляпы. На его груди висела картонка с надписью: «Подайте бывшему поэту». <...> Образ этого поэта, образ нищего остался в моей памяти как самое ужасное видение из всего того, что я встретил в моей жизни. Я мог страшиться такой судьбы. Мог страшиться таких чувств. Такой поэзии. Я мог страшиться образа нищего» [1, Т.3, с.559].

Вероятно, желая освободиться от гнетущего образа, автор использовал проверенный прием: он экстерриоризировал свои переживания, создав повесть «Мишель Синягин» (1930год), прототипом главного героя которой стал Тиняков. Так же, пытаясь избавиться от психологического груза сотен читательских писем, изобилующих людскими откровениями, («письма эти так будоражили душу, так терзали меня, что я стал их бояться», - признавался писатель) Зощенко решил сделать из них книжку «Письма к писателю». «Стало легче...», - говорил он критику И. Эвентову [2, с.339].

Такова же, на наш взгляд, и природа не ко времени и не к месту откровенной книги «Перед восходом солнца», преследовавшей цель освободить душу писателя от «терзающих переживаний». Исходя из концепции, которую Зощенко развивает в этой научно-художественной повести, в его подсознании «образ нищего» связан условной нервной связью с «карающей рукой» и составляет, по мнению писателя, его очередной «больной предмет».

³ См. статьи «Голубая книга» М.М. Зощенко: особенности авторской рефлексии.// Вопросы русской литературы. - Выпуск 9 (66). - Симферополь, Крымский Архив, 2003. - (с. 161- 170); Проблема любви в «Голубой книге» М. Зощенко// Учёные записки Таврического Национального Университета. Том 15 (54) №3 Филология. Симферополь. 2002. – (с. 152 – 158).

Этот «больной предмет», безусловно, связан со средством, являющимся, как его причиной, так и возможностью победить нищету и страх перед ней – деньгами. Именно так названа одна из глав «Голубой книги», в которой деньги предстают как универсалия, притязанная на статус «общечеловеческий» и «вневременной».

Тема денег, заработка, дающего возможность ни от кого не зависеть, ни в ком не нуждаться, становится чуть ли не главенствующей во всей жизни Зошенко.

На наш взгляд, именно для того, чтобы не нуждаться в снисхождении, чтобы не просить, Зошенко, студент юридического факультета Петербургского университета, не переведенный на следующий курс по причине неуплаты, отправляется на Кавказ зарабатывать деньги (1914 год). Он работает контролером на железной дороге, подрабатывает частными уроками. Накопив нужную сумму денег, Зошенко подает прошение вновь зачислить его в университет, однако получает назад и документы и деньги, внесенные за осеннее полугодие, «как не принятый в Санкт-Петербургский Университет».⁴ Вновь юноша оказывается в положении просящего и отвергнутого.

Безусловно, это событие не могло не повлиять на психологическое состояние писателя самым отрицательным образом. Возможно, безысходность была так велика, что молодой человек принял решение отправиться на фронт. «У меня не было, сколько я помню, патриотического настроения, - признаётся писатель в своей автобиографии (1953 год), - я попросту не мог сидеть на одном месте из-за склонности к ипохондрии и меланхолии» [3, с.156].

Как известно, по возвращении с фронта Зошенко переменял двенадцать профессий, что зачастую объясняется критиками желанием будущего писателя узнать жизнь «изнутри». Мы же предполагаем, что именно стремление зарабатывать, быть финансово независимым обусловило самый широкий и подчас неожиданный спектр его профессий: от дегустатора⁵ до инструктора по кролиководству.

В этой связи достаточно показательным признанием М. Зошенко о его «приходе в литературу»: «Мои первые рассказы попали к Горькому. Горький пригласил меня к себе, правильно покритиковал и помог мне материально. А также устроил мне академический паёк. С тех пор началась моя литературная судьба» [1, Т.3, с.157]. Таким образом, свой приход в литературу писатель, прежде всего, связывает с тем, что литературный труд становится для него средством заработка, а академический паёк обеспечивает определенный покой и стабильность в трудные постреволюционные годы.

Тема денег, заработка, оплаты писательского труда становится ведущей не только в жизни, но и в творчестве Михаила Зошенко.

Периодически он открыто негодовал по поводу листовой оплаты произведения. «Чем больше листов, тем больше гонорар», - возмущался писатель. Он был убежден, что от такого подхода страдает и книжное производство, и читатель, и, наконец, авторитет литературы. «От этого выигрывает только тот, - писал Зошенко, - кто наделён талантом произносить большее количество слов, чем это требуется для искусства»⁶ [4, с.63].

Мотив денег звучит в его письмах и дневниковых записях разных лет, в его публичных высказываниях и, конечно, в его произведениях. В них отражается как сознательная рефлексированная сторона личности писателя (в том числе и с его отношением к деньгам, меняющимся с годами), так и бессознательные интенции.

Как известно, герои ранних зошеновских рассказов своекорыстны. Писатель, воплощая в своих персонажах это человеческое свойство, делал его повторяемым – типизировал. Жизненные мотивировки его героев обусловлены желанием лёгкой наживы за счет человеческой доверчивости, доброты, интеллигентности («Неизвестный друг», «Засыпались» и др.), страстью накопительства («Король золота» и др.), стремлением к купле-продаже, замешенной на взаимном обмане («Сапоги» и др.). Жажда наживы приводит к торговле не только предметами, но и людьми с их чувствами и надеждами. («Рассказ про одну корыстную молочницу» и др.).

Тема заработка, денег напрямую связана с едой (вспомним академический паёк, с которого началась литературная судьба Зошенко). Гастрономические коллизии – сюжет огромного количества зошеновских рассказов и новелл («Аристократка», «Отхожий промысел», «Хозрасчет», «Какие у меня были профессии»

⁴ Через 6 лет он вновь подал заявление с просьбой принять его в Петербургский университет, но уже на филологический факультет, так как в то время Зошенко уже серьезно занимался литературой.

⁵ 5 августа 1920 г. он был зачислен в университет, однако, словно вернув давнюю обиду, теперь уже сам бросил университет, так и не начав заниматься. Много позже писатель так объяснил (рационализировал) своё пренебрежение к учебе в университете: «Студентам забивают голову установившимися взглядами, старевшими «истинами», и это ограничивает их сознание» (из воспоминаний И. Слонимской). Однако тема высшего образования имела для писателя более глубинное наполнение и, как видно, была связана с одним из его «больных предметов» – «деньгами».

⁵ Эту интересную подробность находим в воспоминании П. Лавута (ни в одной из автобиографий данная профессия не упоминается). См.: П. Лавут «Неповторимый рассказчик» в кн. «Вспоминая...».

⁶ На первом съезде писателей Зошенко собирался поднимать данную тему. Так, в сохранившихся набросках предполагаемой речи на I съезде советских писателей в списке «пожелания» под №1 значится «оплата труда».

и др.).

Поистине трагичны «Сентиментальные повести». (1928-29 годы). Заметим, что каждая из них посвящена роли денег в жизни человека, проблеме примата материального над духовным. Почему Зощенко называет свои повести «сентиментальными»? Вспомним, что «сентиментальность – это чувствительность к разного рода «униженным и оскорблённым»[5, с. 73].

В этом смысле повести соответствуют своему названию и восходят к лучшим образцам русской классической литературы (прежде всего, произведениям Ф. Достоевского). Действительно, Зощенко сострадает своим героям, да и не может не сострадать – они часть его самого.

В основе "трагического" повестей – неразрешимый конфликт между прошлой и настоящей жизнью героев. Это люди ушедшей эпохи (что отражено в их сословной и профессиональной принадлежности): «музыкант» Котофеев, играющий в симфоническом оркестре на музыкальном треугольнике; «высокообразованный», в совершенстве владеющий испанским языком и «отчасти латынью» дворянин Белокопытов (обратим внимание на ироничное обыгрывание аллегии «белая кость»); благородный, «наделённый необыкновенной красотой», тапёр Аполлон (причем автор поясняет, что «тапер – это значит музыкант, пианист, но пианист, стесненный в материальных обстоятельствах»); скромный канцелярский служащий Забежкин, заменивший мечту своего предшественника о шинели мечтой о козе; фронтовик Володин, «выбитый революцией из седла»: в военные годы после смерти его матери «квартирка перешла в другие быстрые руки».

Все эти персонажи объединены одной общей трагедией: они нищают, оставшись в новом обществе не у дел. Каждый из них по-своему, как умеет, цепляется за жизнь, пытаясь приспособиться. Так, Иван Белокопытов («Люди») развивает «целую философскую систему о необходимости приспособляться, о простой и примитивной жизни и о том, что каждый человек, имеющий право жить, непременно обязан, как и всякое живое существо и как всякий зверь, менять свою шкуру, смотря по времени»[1, Т.2, с.75]. Пояснив мысль Белокопытова научной теорией о «симпатической окраске», «о так называемой мимикрии», автор Зощенко признаётся, что ему «всё это ясно и понятно».

В результате, стремления героев «Сентиментальных повестей» «мимикрировать» оказываются тщетными (как, впрочем, стремления самого писателя): Белокопытов сходит с ума, все остальные герои находятся на грани сумасшествия или умирают. Котофеев («Страшная ночь») лишь от одной мысли о нищете впадает в психоз и, забравшись на колокольню, бьет в набат. При этом следует отметить, что чем выше уровень образованности героя, тоньше его душевная организация (Аполлон Перепенчук («Аполлон и Тамара»), Иван Белокопытов («Люди»)), тем трагичнее заканчивается его судьба: он погибает в первую очередь как личность.

Зощенковские истории о физической и моральной деградации этих людей отражают, на наш взгляд, фобию нищеты самого Зощенко, а герои «Сентиментальных повестей» суть призраки «поэта» Тинякова. Обращаясь к современной психологии, в частности теории психосинтеза, можно предположить, что персонажи сентиментальных повестей отражают субличность⁷ Зощенко (назовем её «Тиняков»), периодически затмевающую «Я» писателя.

В целях снижения эмоциональной напряженности и отчуждения от образов, являющихся её источником, Зощенко иронизирует, превращая «трагическое» в «комическое». Он спасается смехом. Смех, ирония – психологическая защита Зощенко.

Балансируя на грани между смешным и трагическим, Зощенко блистательно продолжает традиции смеховой культуры: глумясь над своими «интеллигентными» героями, он разоблачает существующие социальные отношения и порядки, грубость и антигуманность общества; обеспечивает главную функцию смеха – «обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониальности, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества»[6, с.16]. Зощенковский рассказчик Коленкоров – тот «дурак», который не к месту говорит «голую правду»: «Действительность мы не искажаем, уважаемые товарищи. А что видим то, чего бывает, то это абсолютный факт».

Но в то же время, смех писателя самонаправлен, (что также, согласно концепции Д. Лихачёва, Д. Панченко, Н. Поньрко, характеризует смеховой мир). Смех снимает психологическое напряжение (в данном случае связанное с фобией нищеты), успокаивает и лечит, помогает аутоцентрироваться. Изображение «тягостного» становится для автора катарсисом, по утверждению Л. Выготского «разрядкой» - освобождением от негативной эмоции, которую вызывает предмет изображения⁸.

Тема денег активно продолжает разрабатываться и в научно-художественных повестях. Однако она приобретает иной ракурс. В рассказах и «Сентиментальных повестях» герои не рефлексируют по поводу собственной корысти и желания любой ценой приспособиться и «как-то прожить» (напротив, Аполлон обретает счастье и покой, став могильщиком («работал, ел, лежал в траве, спал»), а дворянин Белокопытов – исправным приказчиком; и в том, и в другом случае люди наслаждались жизнью в её животной простоте, с отсутствием какой бы то ни было рефлексии). В научно-художественных повестях «Возвращённая

⁷ Автор теории психосинтеза – психолог, доктор медицины Роберто Ассаджиоли. В его системе части личности, части Я называются субличностью и строятся на основе какого-то желания целостной личности. Подробнее см. в кн. Ассаджиоли «Психосинтез»: «Реорл-бук», 1997.

⁸ См.: Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1986, с. – 268-271.

молодость» и «Голубая книга», писавшихся одновременно, центральные фигуры - профессор и философ (сам их статус обязывает к размышлению, самоанализу) - мучаются вопросами совмещения духовного и материального. Примат последнего, декларируемый в рассказах и повестях, отвергается, а смысл денег в жизни человека приобретает новое наполнение.

Так, центральный герой «Возвращённой молодости» - профессор Волосатов, в общем сочувствующий новой власти, «никак не может отрешиться от понятия денег и никак не может понять жизни, в которой деньги не будут играть той роли, которая им предназначена». Автор не поясняет, какая именно роль предназначена деньгам, однако на это указывают размышления его героя, считающего, что за деньгами стоят «более сложные вещи»: «ну, хотя бы старость и уродство, ничем не компенсированные». Таким образом, мы сталкиваемся с идеей «денег как компенсаторного механизма», способного удовлетворить потребности людей, не могущих сделать это без денег. «Он знает, - пишет Зощенко о своем герое, - что если будут все равны – старики останутся за флангом и ничем не будут компенсированы. Он знает людей, знает, как возникают чувства» [1, Т.3, с. 49].

Обращаясь к психобиографии писателя, мы можем проследить, как часто Зощенко использовал деньги именно в качестве компенсации. Компенсации своей вины перед кем-то, недостатка внимания, любви, невозможности помочь иначе.

Уже известным писателем, Зощенко отправляется в Симферополь к своей сестре с целью выяснить, для чего она, будучи ребенком, обманывала родителей, притворяясь больной. На что сестра отвечала ему, что хотела, чтобы и её, так же, как и «маленького», «славненького» Мишу, «любили и жалели, хотя бы как больную». Писатель «поцеловал её и крепко обнял. И дал ей тысячу рублей». Зощенко рассказывает: «И она заплакала от счастья, потому что она поняла мои чувства и оценила мою любовь. И тогда (вероятно, в качестве компенсации за оценку и понимание. – И.С.) я подарил её детям каждому по сто рублей на игрушки. И мужу её – санитарному врачу – отдал свой портсигар, на котором золотыми буквами было написано: «Будь счастлив». Потом я дал на кино и конфеты ещё по тридцать рублей её детям и сказал им: «Глупенькие маленькие сычи! Я дал вам это для того, чтобы вы лучше запомнили переживаемый момент, и для того, чтобы вы знали, как вам надо в дальнейшем поступать» (Цикл «Лёля и Минька»)].

Не менее показателен и такой биографический факт. Узнав об аресте мужа своей знакомой Лидии Миклашевской, оказавшейся в опале, Зощенко, несмотря на опасность, встречался с ней, уверяя, «что ничего не боится, что друзей в беде не оставляют». «Я попросила Михаила Михайловича не ходить к нам часто, - вспоминает Миклашевская, -над всеми повисла тревога, и надо быть осторожным. <...> Он согласился при условии, что я приму от него довольно большую сумму денег. На том мы и порешили. Деньги мне были необходимы, и взять их я могла спокойно. За всю мою жизнь не приходилось мне встретить человека, равного ему по благородству и душевной тонкости» [7, с. 46]. Сложилось так, что Зощенко ещё раз таким же способом доказал Лидии, уже выезжающей как «член семьи репрессированного врага народа» на поселение, своё участие и заботу. Понимая, что ничего не может сделать для невинно осужденной, передал ей свёрток с деньгами.

Подобных фактов в биографии писателя много. Но, пожалуй, наиболее психологически насыщенный в этом смысле – последний прижизненный зощенковский «жест – символ» отцовской любви. Вечером 21 июня 1958 года, за несколько часов до смерти, писатель позвал сына. «И Валя рассказал потом, - вспоминает вдова писателя, - что он сказал ему: «Достань из пиджака бумажник, деньги». И дал ему 1000 рублей. Потом вдруг протянул к нему руки, крепко-крепко пожал его руку, так сознательно посмотрел в глаза и сказал: «Валечка, я умираю... Прощай, мальчик!» [7, с. 63]. Это был последний сознательный акт, это были последние слова писателя. Он дарил сыну свою любовь и пытался компенсировать то, что не додал, конечно, не только в материальном, но и, в первую очередь, в психологическом, духовном аспектах. Кроме того, умирающему было так важно зафиксировать сына с деньгами в руках, как призрачную гарантию того, что его не постигнет страшная нищенская участь.

Таким образом, мы видим, что размышления профессора Волосатова о компенсаторной роли денег и о важной роли денег вообще напрямую отражают авторскую позицию Зощенко, изменившуюся в сравнении с ранним творчеством. Спектр проблем, разрешаемых определёнными денежными отношениями, необычайно широк и многогранен, начиная с личного счастья («он считает, что молодая женщина может искренне полюбить и даже такого, как он- рассуждает профессор Волосатов, - если у него положение лучше, чем у других») и заканчивая теоретизированием «о капитализме, социализме и о выработке мировоззрения» («...он не представляет жизни без денежных отношений. <...> он за социализм с деньгами») [1, с.48].

Представления Зощенко о роли денег в жизни общества получили дальнейшее развитие в следующей научно-художественной повести « Голубая книга», где, в частности , развивается идея конвергенции. В главе «Прощание с философом» Зощенко в свойственной ему манере излагает социально важные идеи, обнаруживая дар политического прогноза: «Последнее время, - сказал философ, - я что-то опять стал увлекаться социализмом. Вы знаете, это действительно может получиться неплохо. Не знаю, как у вас, но на другие страны я очень надеюсь. Они возьмут от нас несколько светлых идей. Плюс ваши идеи. И может получиться очень, очень мило». «Что же от вас они возьмут? Простите», - интересуется рассказчик. На что философ, нимало не смутясь, сразу отвечает: «<...> капитал, ну, небольшой. А? Пожалуйста. Все равно вам без этого не обойтись.... Все равно вы незаметно приплывёте и к нашим берегам. Так что не будем о деньгах спорить. А, кроме того.... Ну, домик там... клочок собственной землишки. Дачка...». Рас-

сказчик в общем согласен с философом: «Если вы для себя, а не для эксплуатации, то можете и дачку иметь» [1, Т. 3, с.443].

Очевидно, что в произведении опредмечена обусловленная биографическим опытом и жизненным поведением рефлексия писателя относительно денег, их роли в жизни человека и общества.

Характерной особенностью «Голубой книги» является и то, что голос самого Зощенко существенно ощутим в том «эксплицитном критическом осмыслении мира» (Ю. Щеглов), которым он наделяет своего рассказчика и его «alter-ego» - философа, являющих разные ипостаси личности самого писателя.

В начале главы «Деньги» рассказчик ставит перед собой задачу: «посмотреть, что было раньше, раз этого сейчас нету...». Однако, рассказав о «силе денег» в далекие времена (продажа царского трона, «ордеров» на отпущение грехов, оплата убийств, продажа людей...), автор отмечает, что всё же «деньги играют и ещё будут играть преогромную роль и в нашей изменённой жизни», и признается, что ему «не совсем ясны те торжественные дни, когда этого не будет» [1, Т.3, с.187]. И если в исторических новеллах автор утверждает, что «стремление к деньгам было таким, что никакое другое дело не могло хотя бы сколько-нибудь с этим равняться», то в рассказах о настоящем он «желает показать», «что любовь к деньгам иной раз бывает сильнее смерти» [1, Т.3, с.201]. Таким образом, читатель может сделать вывод, что роль денег в жизни человека предопределяется не социально-экономическими формациями, а являет собой одно из универсальных начал человеческой реальности. Зощенко подспудно проводит мысль, что деньги как универсалия способны удовлетворить базовую человеческую потребность – потребность в безопасности. Безапелляционно звучит вывод философа: « Богатство, капитал дает человеку, по крайней мере, уверенность. Он дает независимость. А тут где независимость я буду искать? Тут вы меня суете в лапы к людям. У них искать независимость? ...» [1, Т. 3, с.444].

Итак, из диалога автора с философом (а значит, с самим собой) следует вывод, что кроме компенсаторной роли, о которой говорилось выше, деньги играют роль эквивалента личной свободы, возможности жить по своим принципам, быть собой. Настоящее предположение подтверждается наблюдениями К. Чуковского: « Слава (а значит, материальное благополучие. – И.С.) подействовала на него благотворно: во всех своих словах и поступках он сделался увереннее, спокойнее, тверже и четче» [2, с.61].

При учёте ранних психотравм Зощенко, становится очевидным, что деньги для писателя – не средство существования или обогащения, а залог стабильности, возможности быть таким, каким хочется: независимым, уверенным, щедро помогающим нуждающимся (что, согласно евангельским традициям, Зощенко зачастую делал тайно) – словом, быть порядочным человеком.

Зная по себе всю трудность и невыносимость ситуации материальных лишений, писатель предпочитал позицию «дающего» - слишком тягостна ноша «просящего». Обратимся к свидетельствам современников. «В личной жизни Зощенко отличался удивительной непритязательностью. Когда появлялись у него деньги, он не берег их, раздавал по большей части безвозвратно» (И. Слонимская) [2, с.90]. «Он всегда отличался почти аскетической невзыскательностью в быту и в пору своих больших гонораров много помогал всем, кто в этом нуждался (Л. Ленч) [2, с.266]. «Он мог, оставшись без гроша, броситься помогать ползнакомым людям...» (В. Каверин) [2, с.131].

Однако мог ли он предположить тогда, в пору относительной материальной стабильности, а подчас и финансового успеха, какие испытания выпадут на его долю!!!

«Заклейменный и отверженный» (именно так он сказал о себе К. Чуковскому) в страшные для себя 50-е годы, Зощенко жил всякого рода не литературными заработками⁹. Не желая унижаться жизнью «в заём» (хотя в крайних случаях приходилось прибегать и к этому), он не чурался любой работы. А. Мариенгоф вспоминает: «Как-то в сорок восьмом году я зашел к нему. С большими ножницами в руках Михаил Михайлович ползал по полу, выкраивая из старого пыльного войлока толстые подметки для какой-то артели инвалидов. Не помню точно, сколько ему платили за сотню пар. Во всяком случае, обед в дрянной столовке обходился дороже». («Мне на все уже наплевать, – признавался писатель, - но я должен сам зарабатывать деньги, не могу привыкнуть к этому унижению») [2, с 491]. Как это не похоже на образ писателя, оставшийся в памяти В. Герасимовой: « Вспоминала Зощенко, каким его знала, - красивым, немного жестко – мужским, палку с набалдашником, что мне не понравилось, воротник соболий, господинский <...>» [8, с.86].

В последние годы жизни (особенно после злополучной встречи с английскими студентами) Зощенко совсем перестал работать как писатель. Отвечая на вопрос своей знакомой Г. Леонтьевой о причине литературного бездействия, Зощенко говорил: «Писать? А для чего мне писать? Для славы? Мне довольно той, что была. Ради денег? Да я и в молодости был равнодушен к обогащению» [2, с. 469]. И далее, будто между прочим, сделал признание, объясняющее главную причину ухода из литературы, а вместе с тем еще раз обозначил роль денег как эквивалента свободы: « Теперь мои счёты с литературою покончены. Хотя есть соблазн помериться силами с противником, высказать до конца свою точку зрения на происходящее, на жизнь вообще. Но кто же напечатает такое? Можно писать только «в стол», да и это небезопасно (у Зощенко с самого начала травли был собран чемоданчик на случай ареста с предшествующим ему обыском. - И. С.). Можно еще, конечно, попробовать писать «эзоповым языком». Но, во-первых, на это еще как-то

⁹ Многие современники Зощенко констатируют факт продажи личных вещей, а Т. Леонтьева указывает на сдачу внаем части дома в Сестрорецке [2, с.464].

нет сил. А во-вторых, и это страшный риск: редакторы стали так боязливы и мнительны (раньше били только авторов, а теперь и редакторов тоже), что и самому Эзопу едва ли удалось бы пробиться сквозь заслон их «бдительного ока»... Такую игру можно вести, только будучи лишь обеспеченным человеком – без публикаций и без пенсии на что, в случае проявления такой смелости, кормить семью? Такую игру можно вести только «за золотым столом» [2, с. 470].

Таким образом, мы видим, что в сознании писателя, кроме свободы, деньги обозначают и защиту, в первую очередь защиту психологическую (хотя подсознательно именно деньги являются для писателя источником его несвободы, страха и тревог). В 1957 году писатель признался в письме В.Е. Ардову: « Все еще не могу разбогатеть, чтобы заняться литературой, как прежде. <...> Под конец жизни стал скуп. И кроме гонорара ничем не интересуюсь» [8, с.83].

Спустя год, в феврале 1958 года, незадолго до смерти, тема денег не утратила для писателя своей актуальности: « С грустью подумал, – писал он К.И. Чуковскому -, что в сущности, у меня была дрянная жизнь, ежели даже предстоящая малая пенсия кажется мне радостным событием. Эта пенсия (думается мне) предохранит меня от многих огорчений и даст, быть может, профессиональную уверенность <...> Снова возьмусь за литературу, когда у меня будет на книжке не менее 100 тысяч» [8, с.83].

В литературу Зощенко так и не вернулся, он ушел из жизни через 7 дней после столь долгожданного «радостного события».

Обращаясь к психобиографии Михаила Михайловича Зощенко, его творчеству, мы имеем некоторую возможность проследить роль и значение денег (положение нищеты, богатства, словом, материальной зависимости) в жизни и творчестве писателя, динамику зощенковской рефлексии относительно данной темы, во многом обусловленную базовой личностной потребностью писателя в познании себя.

Страх нищеты, возникший в результате ранней психотравмы и являющийся одним из подсознательных источников зощенковской « беспричинной тоски», предопределил интерес писателя к теме денег в жизни человека, обеспечив фабульное наполнение огромного количества зощенковских произведений.

От констатации человеческой своекорысти, как типичного человеческого качества (рассказы), Зощенко переходит к идее предопределяющей роли денег, примата материального над духовным в жизни человека («Сентиментальные повести») и связанной с этим жизненной трагедией. Продолжая активно разрабатывать данную тему в научно-художественных повестях, Зощенко вскрывает новые грани интересующего вопроса: он разрабатывает идею денег как компенсаторного механизма («Возвращённая молодость»), универсального начала человеческой реальности, эквивалента личной свободы («Голубая книга»). В повести «Перед восходом солнца», художественно осуществляя процесс самопознания, Зощенко совсем близко подходит к осознанию денег как своего «больного предмета», однако связывает это с образом « карающей руки». Мы же, как следует из анализа, склонны считать именно деньги « большим предметом» писателя – источником страха, тревог, но и его психологической защитой одновременно.

Страх нищеты и те формы «защиты» от неё, которые использует писатель (в первую очередь на уровне экстернализации в своих произведениях), глубоко взаимосвязаны. Именно страх вызывает возникновение защиты, предопределяя зависимость от «больного» предмета.

Обусловленная этой зависимостью авторская субъективность проявляется в творчестве писателя, во многом определяя его содержательную направленность.

Список литературы.

1. Зощенко М. М. Собрание сочинений: В 3 Т.,Т.3. - Л.: Художественная литература, Ленинградское отделение , 1986. – 720 с.
2. Вспоминая Михаила Зощенко.- Л.: Художественная литература, Ленинградское отделение, 1990.
3. Лицо и маска Зощенко.- М.: ОЛИМП,1999.
4. Томашевский Ю. - Я взял подряд на этот заказ. М.М. Зощенко о литературе и её языке// Русская речь. – 1987. -№5 – с. 55-64.
5. Хализев Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2000.
6. Лихачёв Д. С. , Панченко А. М. , Поньрко Н. В. Смех в древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – 398 с.
7. Звезда. – 1994. - № 8.
8. Сарнов Б., Чуковская Е. Случай Зощенко: Повесть в письмах и документах с прологом и эпилогом, 1946-1958. - Юность. – 1988.- №8.

Аннотация: в настоящей статье автор исследует тему денег в жизни и творчестве писателя М. Зощенко, проблему авторской субъективности в определении тематического и идейного аспектов его произведений, динамику авторской рефлексии относительно данной темы, обусловленную базовой личностной потребностью писателя в познании себя.. Тема рассматривается

в литературоведческом и психологическом аспектах, что позволяет глубже понять специфику психологизма зощенковских произведений.

Анотація: у дійсній статті автор досліджує тему грошей у житті і творчості письменника М. Зощенко, проблему авторської суб'єктивності у визначенні тематичного й ідейного аспектів його добутків, динаміку авторської рефлексії щодо даної теми, обумовлену базовою особистісною потребою письменника в пізнанні себе. Тема розглядається в літературознавчому і психологічному аспектах, що дозволяє глибше зрозуміти специфіку психологізму зощенковських добутків.

УДК 082

Ключевые слова: психологизм, деньги, Зощенко, авторская рефлексия, самопознание, «больной предмет», психологическая защита, авторская субъективность.

Ключові слова: психологізм, гроші, Зощенко, авторська рефлексія, самопізнання, «хворий предмет», психологічний захист, авторська суб'єктивність.